

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1(091) + 82:94(470.5)

Т. А. Снигирева

ТРАДИЦИИ АКАДЕМИЗМА*

Рец. на кн.: История литературы Урала, конец XIV – XVIII в. / гл. ред: В. В. Блажес, Е. К. Созина. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – 608 с. : ил.

«История литературы Урала» — давний проект научного гуманитарного сообщества региона, который также имеет свою историю, описанную подробно и с большой благодарностью ко всем, кто стоял у ее истоков, в предисловии к первому тому данного издания. Названо не только имя профессора И. А. Дергачева, истинного подвижника создания системного и планомерного описания литературы края, но и других исследователей — и тех, кто заложил основные принципы изучения «нестоличной» литературы, и тех, кто конкретными исследованиями сделал возможным создание коллективного труда, обращенного к литературе Урала.

К середине 2000-х гг. усилия ученых, занимающихся филологической реконструкцией литературной карты Урала, организационно были сосредоточены вокруг сектора истории литературы Института истории и археологии УрО РАН (зав. сектором проф. Е. К. Созина). До выхода первого тома была проделана целенаправленная работа по консолидации научных сил, выработке единой концепции, определению адекватной материалу теории, эффективной методологии и методики исследования. Ежегодно (с 2006 г.) проводились конференции «Литература Урала: история и современности», вышла серия монографий, апробирующих возможные научные сюжеты будущего фундаментального труда.

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX — первой трети XX в.».

Первый том «Истории литературы Урала», изначально мыслившийся как проект академического статуса, организован, несмотря на всю сложность, научно внятно. Сложность обусловлена невероятным временным и пространственным охватом. Основные критерии отбора огромного историко-литературного материала, захватывающего четыре века и четыре национально маркированных литературы, методологические принципы его исследования представлены в предисловии редколлегии, написанном Е. К. Созиной и К. В. Анисимовым, которые очертили позицию редколлегии, состав которой весьма представительен: докт. филол. наук В. В. Блажес, докт. филол. наук В. М. Ванюшев, докт. филол. наук О. В. Зырянов, канд. филол. наук П. Ф. Лимеров, канд. ист. наук прот. П. И. Мангилев, докт. филол. наук М. Х. Надергулов, докт. филол. наук Е. Е. Приказчикова, чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская, докт. филол. наук Л. С. Соболева, докт. филол. наук Е. К. Созина. С учетом богатой истории и современных достижений в регионовистике особо выделены следующие принципы при создании академической «Истории литературы Урала»: следование принципу историзма в анализе литературной географии региона и его литературного процесса; реализация принципа взаимодействия литератур и учета культурной автономии каждого народа, его разнообразных идентичностей, находящихся выражение в художественных, документальных и публицистических текстах; учет системного единства анализа литературного развития региона с опорой на основополагающие типы культур народов Урала, в контексте общероссийской, а в иных случаях — мировой литературы; максимально объективное сочетание полноты и детальности исследования с опорой на принцип представительности того или иного деятеля литературы для культуры региона. Критериями отбора персоналий обозначены следующие: «1) культурная (а нередко и политическая, социальная, религиозная и т. п.) значимость для региона и/или всей России, порой соседних краев и областей, 2) выражение в творчестве данного автора *idee fixe* региона, а также общих стратегий, характеризующих развитие литературы Урала в контексте общерусского литературного процесса, 3) уровень художественно-эстетических достижений данного автора — сугубо эстетический, ценностный критерий..., 4) отражение в творчестве художника (культурного деятеля) темы Урала и степень интереса, проявленного им к истории и настоящему дню края» (с. 23). Редколлегия специально оговаривает рамки сферы исследования творчества писателей, судьба которых в той или иной мере связана с Уралом: 1) писатели — уроженцы региона; 2) писатели, жизнь и творчество которых по тем или иным обстоятельствам оказались связаны с Уралом на некоторое время; 3) «писатели, побывавшие на Урале проездом или не побывавшие вовсе, но оставившие “след” своего пребывания в литературе (ибо литературная карта Урала не тождественна его географической и даже исторической карте» (с. 23).

В уже цитируемом предисловии (В. В. Блажес, Л. С. Соболева, Е. К. Созина) акцентировано внимание на новаторском характере издания, в котором впервые литература Большого Урала представлена как политническая система. В нем осуществлена целенаправленная характеристика башкирской, русской, удмуртской, коми (устной и письменной) словесности, поскольку

«представить многонациональную литературу Урала в историческом плане как целостный феномен культуры со своей проблемно-тематической и эстетико-художественной автономностью — это значит в первую очередь определить своеобычность средневековой литературы, ее органическую связь с фольклором, выявить роль христианства и ислама в формировании литературы, а также значение славянской культурной письменности и литературы коми, удмуртов» (с. 31).

Обозначенные принципы и задачи тома продиктовали его восьмичастную, на первый взгляд весьма громоздкую структуру (части делятся на главы, а некоторые из них на параграфы): I. «Православные традиции в культурно-историческом освоении Пермских земель» (П. Ф. Лимеров, Л. С. Соболева); II. «Средневековая башкирская литература» (А. Х. Вильданов, М. Х. Идельбаев, М. Х. Надергулов, Р. З. Шакуров, З. Я. Шарипова, пер. на русский язык А. Х. Хакимов); III. «Русская книжно-рукописная традиция на Урале в XVI—XVII» (В. В. Блажес, О. Д. Журавель, П. И. Мангилев, Н. А. Мудрова, Е. К. Ромодановская, Л. С. Соболева); IV. «Литературно-просветительская деятельность Тобольского митрополичьего дома» (Е. К. Ромодановская, Л. С. Соболева); V. «Исторические повествования на Урале» (В. В. Блажес, Л. С. Соболева); VI. «Типы словесности горнозаводского Урала XVIII века» (В. В. Блажес, Н. С. Корепанов, Е. П. Пирогова, Л. С. Соболева, В. Н. Соломеина); VII. «Документально-художественная литература Урала эпохи Просвещения» (К. В. Анисимов, В. М. Ванюшев, Т. Г. Владыкина, Д. В. Ларкович, Е. Е. Приказчикова, А. Г. Прокофьева, В. Ю. Прокофьева); VIII. «Литературный процесс на Урале конца XVIII — начала XIX вв.» (К. В. Анисимов, В. В. Блажес, О. В. Зырянов, Д. В. Ларкович, В. А. Павлов, В. Д. Рак, Е. К. Созина).

Научный профессионализм, редакторская точность и виртуозность позволили непростую конструкцию сделать логичной и выверенной. Так, например, часть VII («Документально-художественная литература Урала эпохи Просвещения») — одна из самых сложно структурированных частей издания, поскольку литература Урала эпохи Просвещения представляет собой весьма разнородное явление, что обусловило необходимость разных методологических подходов к ней. Во-первых, представлен анализ трансформации образа Урала в записках западноевропейских и русских путешественников. Так, если в записках путешественников XVII в. (протопоп Аввакум, Николай Спафарий, Избрант Идес и Адам Бранд) образ Урала формируется с точки зрения очевидца — русского ссыльного или иностранца, то в текстах эпохи Просвещения (В. Н. Татищев, Г. И. Новицкий, В. Ф. Зуев, А. Н. Радищев) Урал включается в «идеологический контекст, в котором разрабатывалась мифология власти и сюжеты национально-государственного самоопределения» (с. 348). К концу XVII в. складывается уже знакомый современности образ Урала как горного хребта, границы Европы и Азии и сопутствующая образу экономически-профессиональная оценка: «горно-металлургический», «заводской» край. Во-вторых, исследование травелогов продолжает анализ получившей широкое распространение уральской мемуарной литературы («Записки» И. И. Неплюева, «История жизни одной благородной женщины» — «уральской масон-

ки» А. И. Лабзиной, «Мое время» Г. С. Винского). В-третьих, необходимый для эпохи разговор о творческой деятельности Г. Р. Державина предваряет очерк литературной жизни Оренбургского края в XVIII в., которая в это время только формировалась, но уже начинала осваивать те проблемы, что стали основными в период пребывания «поэта-государственника» на Урале: «особенности природы и местоположения края, находящегося на пересечении Европы и Азии, Пугачевское восстание, специфика жизни и быта народов, заселяющих оренбургские степи» (с. 371). В-четвертых, развернутый фрагмент части, посвященный государственной и творческой деятельности Г. Р. Державина, кроме выверенных литературоведческих сюжетов, обращенных к анализу «уральских страниц» в его наследии, предлагает интерпретацию малоизвестной комической оперы «Рудокопы», в которой «задуманный Державиным балет отражал процесс семиозиса, когда традиционная мифология народов Урала как бы уступала место новой мифологии имперского колониализма, а прагматическая идея величия Урала, его неисчерпаемых природных ресурсов и экономических возможностей получила оригинальное художественное выражение» (с. 389). Создание «индустриальной» оперы (определение В. В. Данилевского) «лишний раз подтверждает, что в жизни и творчестве Державина Урал оставил важный след. «Уральская» поэзия Державина подготовила появление жанра «новой оды», внесла значительный вклад в авторское осмысление геополитических реалий России XVIII в., а также определила основное направление развития государственного утопизма, связанного с царствованием «киргиз-кайсацкой царицы Фелицы». В свою очередь первая «индустриальная» опера Державина «Рудокопы» предвосхитила появление в литературе производственной темы, для которой как нельзя лучше подходили реалии горнозаводской жизни Урала» (с. 389). В-пятых, особым научным сюжетом в этой части становится очерк истории развития удмуртской культуры, особенностью которой являлся тот факт, что на протяжении многих веков народ, не имевший письменности, реализовал свой магический, познавательный, эстетический потенциал в фольклорном способе восприятия и отражения действительности. Но именно «процесс сложения системы фольклорных жанров подготовил базу для восприятия народом письменной культуры. После того, как удмурты в общегосударственном масштабе были втянуты в орбиту социально-политических и экономических преобразований, у них появилась возможность заложить качественно иной вектор развития духовной культуры — графически фиксированное письмо. XVIII в. становится в этом смысле важной точкой отсчета: социально-экономическое и культурное развитие эпохи создали основу для первого шага в развитии научных воззрений на удмуртском языке» (с. 392).

Принцип обязательности внутренней логической связи в каждой части на уровне всего текста первого тома «Истории литературы Урала» проявляет себя в обязательности научных сюжетов, ставших магистральными для издания и обеспечивающих целостность исследования: литература и этнос, литература и история, литература и власть, литература и религия, литература и фольклор, литература и культура, духовная ценность литературы региона и ее художественный потенциал и т. д.

Эти научные линии явлены уже в первой части тома, посвященной «работе» православных традиций в культурно-историческом освоении Пермских земель, две главы которой посвящены, во-первых, системному исследованию духовно-культурной роли Стефана Пермского, нашедшей отражение как в устной, так и в письменной традиции («Житие Стефана Пермского» Елифания Премудрого); во-вторых, описанию памятников письменности и литературы Перми Вычегодской. При всем концептуальном единстве, как показывает проведенный анализ, образ Стефана Пермского, имеет свою аранжировку в письменной и устной традиции. Так, в сочинении Елифания Премудрого «Пермская земля предстает не как чужая и враждебная, а как итог духовных усилий русских святителей, как часть политики, общей для церковной и княжеской власти. Образ Стефана оказывается не только связан с агиографическим мифом, но и становится основой исторического мифа, формирующегося вокруг процесса освоения Урала. Житие Стефана подвигало к дальнейшему продвижению на восток, создавало перспективную модель взаимоотношений столицы и окраины государства, формировало сочувственное отношение к местным народам, видя в них приверженцев православия» (с. 51). В устных легендах коми народа акцентируется не столько государственно-религиозная, сколько героическая роль Стефана, он воспринимается не только как святой, но и как культурный герой, так как «героически-мистическое начало в его образе явно превалирует над святостью» (с. 58). Более того, если иметь в виду, что «тексты легенд и преданий о христианизации созданы в контексте христианской культуры и имеют соответствующую оценку описываемых событий», то, «вероятно, была и другая, языческая (чудская), точка зрения на этот процесс, а значит, и другой круг текстов, который сохранялся и бытовал, пока христианизация коми не была завершена окончательно» (с. 58). Но в любом случае, и об этом убедительно свидетельствуют памятники письменности и литературы Перми Вычегодской, «Стефан начал свою миссию вероучителя с создания пермской азбуки, полагая, что вокруг нее возникнет пространство этнической книжно-письменной культуры пермян. Так и произошло, причем распространение новой религии положило начало этнокофессиональной консолидации пермских племен в единый коми народ, а развитие книжной культуры стало началом его письменной истории» (с. 59).

Единый алгоритм исследования, ведущийся по намеченным «силовым линиям», дополняется вариативностью филологического анализа (биографический, жанровый, стилевой, контекстуальный, метатекстовый, эволюционный и т. д.), методика и приемы которого диктуются спецификой материала. В результате по мере развертывания текста все объемнее проступает необычность, порой уникальная особенность литературы и литературной жизни региона и одновременно ее соотнесенность (в разных вариантах: от запаздывания до опережения¹ с общероссийским литературным процессом.

¹ См., например, главы, посвященные аналитическому описанию Строгановских библиотек XVI – XVII вв., крестьянских библиотек Прикамья, библиотеки Акинфия Демидова.

Статус издания, а оно по праву может быть квалифицировано именно как первый том академической истории литературы Урала, определяется целой системой его качеств: реализация установки на максимально доступное на сегодняшний день и исчерпывающее описание литературного процесса и художественных явлений, его составляющих; профессиональная ответственность и строгость; введение в научный обиход малоизвестных и неизвестных фактов, предполагающих огромную работу архивного характера; система новаторских интерпретационных ходов с обязательно корректным отношением к предшественникам, о чем свидетельствуют историографические зачины, дающие историю вопроса максимально репрезентативно. Научная полемика представлена корректно, она уходит «внутрь текста», тем самым сохраняя необходимую объективность тона. Примером здесь может быть очерк средневековой башкирской литературы, в котором поднят традиционно спорный вопрос о культуре и литературе булгарского периода и связанная с ним проблема принадлежности и истоков ряда литератур. Наконец, при сохранении индивидуально-исследовательского стиля, все части тома пронизаны «памятью жанра» академического исследования, что особо заметно по сравнению с разнообразными «пилотными» изданиями. Академическое издание потребовало иного письма, иной «меры вещей». Произошло значительное расширение текстового и контекстуального материала, его серьезная композиционная перестройка, в ряде случаев присутствует изменение пафоса и тона (от некой публицистичности к научной строгости).

Отдельного внимания заслуживает фундаментальный справочно-пояснительный, справочно-поисковый и библиографический аппарат.

В предисловии к первому тому, написанному академиком РАН В. В. Алексеевым, ученым, много сделавшим для появления данного труда, выражена надежда на то, что «сохранившееся среди российских ученых научное подвижничество» позволит продолжить исследование литературы Урала XIX–XX вв. Ибо бесспорно, что «Уральский регион и ныне занимает достойное место в составе Российской Федерации, поэтому адекватная оценка его литературно-культурного наследия является насущной задачей, настоятельно требующей своего решения» (с. 10).